

Я.В. Соколов

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Метод науки — это метод смелых, дерзких предположений и изобретательных и решительных попыток их опровергнуть.

К. Поппер

Думать — значит классифицировать.

Мотто

Словосочетание «экономические теории» скрывает огромный пласт идей, подходов и направлений. Каждое направление может претендовать, а очень часто и претендует, на название самостоятельной науки. В данном случае, предпринимая экскурсию по их теоретическим лабиринтам, попытаемся посмотреть на них издали, в их целостности, прежде чем логически расчленим на «отдельные отрасли».

Изучая экономические явления, человек, прежде всего, имеет дело с материальными объектами (ценностями), которые ему хочется потрогать и пересчитать. Юристы называют их вещами; бухгалтеры пересчитают и запишут в инвентарные описи; экономисты, осмысливая их и соизмеряя со своими потребностями, введут понятие «блага».¹

Благо — это вещь, осмысленная человеком через его потребности. Но при этом благо уже и шире ее. Уже, ибо если есть вещь, но она не представляет интереса и не является объектом потребности для людей, то она не становится благом; шире, ибо благом выступают и не вещи: отношения, дружба и множество чисто интеллектуальных достижений. Каждое благо для того, кто с ним сталкивается, представляет, согласно Л. Витгенштейну (1889–1951), факт. Он писал: «Мир определен фактами»,² но то, как изучаются факты, зависит от выбираемой методологии.

Ярослав Вячеславович СОКОЛОВ — профессор, зав. кафедрой статистики, бухгалтерского учета и аудита СПбГУ, член Президентского Совета Института профессиональных бухгалтеров России и член Методологического Совета Министерства финансов РФ. Член Международной академии историков бухгалтерского учета. Автор более 500 публикаций, в том числе 17 книг (монографий и учебников) по методологии и истории бухгалтерского учета.

© Я.В. Соколов, 2006

Эта методология должна быть рассмотрена и с точки зрения логики, и исходя из теории познания (гносеологии), или, как теперь предпочитают говорить и писать, эпистемологии. Изучая экономическую науку с этой точки зрения, необходимо отметить два старинных метода: дедукцию, представленную нормативными, предписывающими науками, и индукцию, формирующую дескриптивные науки, которые описывают, но необязательно объясняют факты. (Впрочем, хорошо описать факты — это уже в значительной степени объяснить их.) Это одно основание. Другое связано с содержанием того, что изучается, что и как следует понимать. В данной статье ставится задача свести это понимание к постижению экономической субстанции. Подобное разграничение восходит к старым спорам об универсалиях. Если исследователь исходит из их реального существования, он принадлежит к реалистам, если нет, — к номиналистам. Но сама универсалия независимо от того, признается или не признается ее существование, позволяет понять содержание нашей науки.

В связи с вышеизложенными положениями возможно по двум основаниям разграничить всю экономическую методологию на четыре направления: нормативный и дескриптивный реализм; дескриптивный и нормативный номинализм.

Нормативный реализм

Суть реализма — в поисках экономической сущности явлений, в установлении их субстанции. Такой подход предполагает, что изучаемые явления, в данном случае их субстанции, изменяются, подчиняясь определенным законам, ибо наука изучает не сущее, а должное.³

Методологически такой подход прослеживается от Платона (427–347 до н.э.) через все средневековье и Новое время. Наиболее полно в методологии он выражен у Г. Гегеля (1770–1831), в экономической науке — у К. Маркса (1818–1883). Рассматривая цену — центральное понятие микроэкономики, Маркс искал то содержательное ядро, которое лежит за ценой, и нашел его в виде стоимости (*wert*⁴). Так, цены начали объяснять через их содержание, каковым стали считать абстрактный труд — как субстанцию стоимости и в конечном счете цены.⁵

Методологически всегда трудно интерпретировать субстанцию. Последователи Маркса разделились: одни утверждали, что общественно необходимые затраты абстрактного труда относятся к производству (А.А. Богданов, Л.А. Мендельсон и др.), другие — что только общество, в виде рынка, выявляет через спрос субстанцию стоимости (Л.Б. Будин, Д.И. Розенберг и др.),⁶ т.е. одни утверждали, что стоимость создается в производстве, другие — что в обмене.

Если искать субстанцию не в вещах-товарах, а в благах-товарах, то субстанция будет найдена в виде ценности, определяемой предельной полезностью. Впервые такой подход находим у Г.Г. Госсена (1810–1858). В дальнейшем это станет основным положением австрийской школы. В англоязычной литературе близкое направление получило название маржинализма. Изучая возможности исчисления ценности, экономисты разделились на две группы: кардиналисты (К. Менгр, У.С. Джевонс, Л. Вальрас, А. Маршалл и др.) и ординалисты (В. Парето, Е.Е. Слуцкий, И. Фишер, Д.Р. Хикс, П.А. Самуэльсон и др.).

Конечно, когда в рамках концепции нормативного реализма речь идет о выявлении по одному и тому же объекту двух субстанций, то возможно или создавать два параллельных направления — в сущности, две разные науки, или попытаться их объединить.

Если первое очевидно, то второе, эклектическое, направление представляется более сложным, ибо трудно объединить «коня и трепетную лань».

Тем не менее история знает несколько попыток. Отметим четыре. Ф. Энгельс (1820–1895) признал, что «стоимость есть отношение издержек производства к полезности». А Маршалл (1842–1924) дал наиболее полное описание синтеза, когда предложение объясняется через стоимость, а спрос — через ценность. М.И. Туган-Барановский (1865–1919) показал, что в идеале предельная полезность товара равна трудовым затратам на него. А.П. Рудановский (1863–1934) синтезировал оба подхода через бухгалтерский баланс, он требовал оценки объектов актива (имущества) по стоимости, а пассива (обязательств) — по ценности. Поскольку итог актива не равен итогу пассива, то и разность между итогами по стоимости и по ценности не совпадает. Если стоимость оказывается больше ценности, то у собственника возникает прибавочная стоимость (прибыль), а если ценность больше стоимости, то образуется убыль реального имущества (убыток), ибо психологически, чем меньше имущества, тем относительно выше его субъективная оценка. Особенность этого синтеза в том, что стоимость и ценность существуют параллельно, но координируются они через бухгалтерский баланс.⁷

Основное достоинство этого эклектического подхода было в том, что он позволял устанавливать четкие уровни абстракции и предсказывать развитие событий: скажем, изменения цен через колебания себестоимости, как об этом писал «поэт» индуктивной логики Д.С. Милль (1806–1873).

Главным достоинством реализма надо признать то, что он облегчает понимание проблемы через разложение субстанции, ибо если из понятия той же цены изъять все, что характеризует каждую конкретную цену (акциденции), то останется нечто общее (субстанция), и в данном случае не важно, что общее: труд (стоимость) или полезность (ценность), то, что присуще всем ценам. Это и есть их субстанция. И именно этот подход позволяет выстраивать мощные логически и реально обоснованные цепи: вещь — благо — имущество — ресурс — товар — актив и т.д. Только наличие субстанции и выявление ее обеспечивают понимание многих проблем, которые стоят перед экономистом.

Реализация предсказательной функции науки, безусловно, облегчается при таком подходе. Признание реально существующего общего — универсалии позволяет рассматривать объективно существующую субстанцию, не отвлекаясь на частные случаи и мелочи; перед экономистом всегда предстает подлинная реальность. Мир видимостей исчезает, сущее уступает место должному, мнение — истине. И тут цели экономиста сводятся к поиску закономерностей, понимание которых позволяет облегчить управление хозяйственными процессами. Успешность этого управления зависит от понимания субстанции, от осознания перехода от сущего к должному, что прекрасно выразил в одной из своих лекций Ф.В. Шеллинг (1875–1854): «Понятие есть отрицание непосредственной реальности сущего, отрицание реального существования во имя умопостигаемой необходимости».⁸

Таким образом, реализм в экономической науке позволяет выявлять объективно существующие структуры, изучать их развитие, которое детерминируется строго определенными объективными законами. В этом случае методология экономиста сводится к выделению общего и раскрытию законов его развития. Именно это позволяет совершить скачок из царства необходимости в царство свободы или из царства анархии в царство порядка.

Дескриптивный реализм

Нормативный реализм предполагал реальную субстанцию, существующую как бы самостоятельно. Например, в каждой цене есть нечто общее — стоимость (ценность), в каждой совокупности — среднее и т.д. Это крайний реализм. Когда П.Б. Струве (1870–1944) нападал на Маркса, обвиняя его в схоластическом реализме,⁹ он не был последователен, ибо стоимости (ценности), как и средней величины, может и не быть, но нечто общее у всех цен, как и у всех совокупностей, есть. Признание этого общего характерно для умеренного реализма. В этом, как и в предыдущем случае, поиск субстанции признается целью исследовательской программы. Однако представители данного направления прибегают только к описанию (дескрипции) фактов хозяйственной жизни и в принципе отказываются от рассмотрения эволюционных закономерностей в развитии хозяйственных процессов. Вернее, они допускают возможность эволюции, но рассматривают ее как некий частный случай. Суть политической экономии они видят в понимании того, что есть осознание сущего, и совсем не думают о должном, искренне полагая, что его нет, а хозяйственные процессы носят чисто стохастический характер. И сама субстанция, а вернее, ее величина, определяется по методам теории вероятностей. В самом деле, и величина себестоимости товаров, и предельные затраты на их производство — это не что иное, как математические ожидания: не больше и не меньше. Более того, здесь мы сталкиваемся с так называемой гильотиной Д. Юма (1711–1776): «Невозможно вывести то, что должно быть, из того, что есть».¹⁰ Но вряд ли возможно вывести и то, что есть, из того, что должно быть.

Представителями реалистической, но дескриптивной (описательной) школы можно было бы назвать отцов экономической науки: А. Смита (1723–1790) и Д. Рикардо (1772–1823). Именно они создали трудовую теорию стоимости и научили своих последователей четко и чисто логически описывать хозяйственные процессы. И Смит, и Рикардо занимают промежуточное положение между крайним и умеренным реализмом. Полными и последовательными представителями умеренного реалистического крыла в экономической науке были Ф.И. Эджворт (1845–1926) и В. Парето (1848–1923). Их объединяет отказ от субстанциального объяснения цены, они построили (первый — Эджворт) кривые безразличия и, в сущности, исходили из чисто позитивистского описания процессов формирования цены. И в этом случае, наверное, правильнее говорить не о субстанции, что характерно для крайнего реализма, а об инварианте. В этой связи важно заметить, что именно применительно к дескриптивному реализму относится выявление того, что выступает инвариантом самой стоимости. Ф. Оппенгеймер (1864–1943) по этому поводу дал три ответа: Рикардо сводил стоимость к количеству труда и создал теорию — *Arbeitsmengentheorie*, Маркс исходил из общественно необходимого рабочего времени — *Arbeitszeittheorie*, а сам Оппенгеймер предлагал основываться на понимании труда, заключенного в стоимости, называя свою теорию *Arbeitswerttheorie*.¹¹ Таким образом, согласно Оппенгеймеру, инвариант стоимости должен быть представлен самим трудом, а не его количеством и тем более не его временем. Подобные рассуждения напоминают средневековую схоластику и не оставили заметного следа в науке. Однако в этом дескриптивно реалистическом подходе выделяется одна сверхглубокая идея, развитая неогегельянцем Н. Гартманом (1882–1950). Суть его онтологических взглядов применительно к экономической науке сводится к тому, что каждый факт хозяйственной жизни как бы покрыт несколькими информационными слоями. В реальной жизни это могут быть чисто экономические, юридические и социологические слои. Но каждый факт имеет свое ядро, кото-

рое и содержит инвариант объективно существующих и поддающихся содержательной интерпретации информационных слоев.

Весь смысл подхода заключается в том, что трактовка субстанции как инварианта дает широкий спектр возможностей в принятии управленческих решений. И в конечном счете дескриптивные теории могут привести, а при желании и приводят, к детерминированным нормативным учениям.

Дескриптивный номинализм

Во времена расцвета средневековой философии появился прием, который известен в логике как «брита Оккама». Обычно его формулируют так: «Сущности не следует умножать без необходимости».¹² Номинализм, одним из ярких представителей которого был У. Оккам (1285–1349), исходит из того, что субстанция есть только в каждом отдельно существующем предмете, т.е. то, что можно назвать универсалией, отсутствует в реальной жизни. Применяя данный принцип к политической экономии, подчеркиваем, что нельзя подставлять общие суждения, придавая им объективное существование. Есть цена, но нет ни стоимости, ни ценности как реально существующих субстанций. Нельзя удваивать мир категорий. Об этом особенно подробно писал П.Б. Струве (1870–1944).¹³ Но и до философских рассуждений одного из основателей отечественного марксизма, а потом его критиков это направление экономической мысли получило мощное развитие, которое изначально пыталось реформировать экономическую науку, по трем направлениям.

Прежде всего это *история народного хозяйства*. Она появилась как реакция немецких ученых на классическую политическую экономию. Они, прежде всего В. Рошер (1817–1894), поставили задачу не искать некие общие закономерности, а описывать факты и только факты хозяйственной жизни. Это было сначала. Потом соблазн строить схемы развития, особенно у К. Бюхера (1847–1930), и желание заменить экономическую теорию историей народного хозяйства, что особенно характерно для В. Зомбарта (1863–1941), взяло верх. В отличие от традиционно преобладающих взглядов историческая школа в экономической науке исходила, в сущности, из тезиса В. Дильтея (1833–1911) о том, что «история — это не прошлый опыт, а скорее рассмотрение событий прошлого с высоты накопленного в настоящее время опыта».¹⁴ Такое осмысление экономической действительности не заменило классическую политическую экономию — она осталась, но границы между экономической историей и политической экономией оказались очень условны.

Следующей попыткой не столько заменить, сколько подменить традиционную политэкономия стало появление отдельной науки, которая получила название «**эконометрия**» (иногда, по примеру биометрики, используют понятие «эконометрика»). Это была попытка совершить скачок от качественных категорий к количественно измеряемым величинам. Первый автор и подхода, и слова польский бухгалтер П. Цьемпа хотел построить новое направление на данных бухгалтерского учета, однако скорее дал экономическое истолкование самой бухгалтерии, чем на ее основе построил новую экономическую теорию. Но не П. Цьемпа, а Р. Фриш (1895–1973) создал современную эконометрию, которая в определенном смысле не столько противостоит, сколько дополняет экономическую теорию в формах микро- и макроэкономики. В рамках эконометрики работали три замечательных отечественных ученых: Н.Д. Кондратьев (1892–1938), который, в сущности, шел за У.К. Митчеллом (1874–1948);¹⁵ В.В. Леонтьев (1906–1998), добившийся огромного успеха, ибо сумел на учетно-статистическом

материале реализовать вальрасовскую идею равновесия, и С.А. Кузнец (1901–1985), который непосредственно учился у У.К. Митчелла и внес огромный вклад в разработку методов исчисления национального дохода и экономического роста (циклы Кузнецца — 22 года), но главным был его вывод: «Самым большим капиталом страны являются ее люди с их мастерством, опытом и побуждениями к полезной экономической деятельности».¹⁶

И, наконец, есть очень широкое направление, именуемое *институционализмом*, берущее начало в трудах Т. Веблена (1857–1929), представленное многими именами. К концу XX в. оно заняло очень сильные позиции в экономической науке. Это направление за основу исследований берет, прежде всего, экономическое поведение человека¹⁷ и определяет цель экономической науки как создание теории рационального выбора. Представители этого направления распадаются на две большие школы. Первая исходит из теории социального выбора (К. Эрроу, А. Бергсон и др.), стремится построить функции общественного благосостояния; вторая опирается на теорию общественного выбора и представлена двумя подшколами: чикагской (М. Фридмен, Г. Беккер и др.), представители которой видят цель в описании рыночных явлений, и вирджинской (Дж. Бьюкенен и др.), где внимание переносится с анализа рыночных явлений на анализ правил, позволяющих эти явления оптимизировать. Для всех институционалистов характерно размывание границ между экономикой и социологией, а сам институционализм стал принимать форму экономической социологии.¹⁸ В нашей стране одним из главных выразителей этого направления выступает Р.М. Нуреев.¹⁹

Все дескриптивное номиналистическое направление привело, как мы видели, к серьезнейшим изменениям в выборе методологического инструментария. Если реалисты всех мастей считали главным вопросом: «*Что* изучает экономист?», то номиналисты со второй половины XIX в. перенесли упор на вопрос: «*Как* он делает это?», а изучать «*Почему..?*» часто из практических соображений, а еще чаще из принципиальных философских постулатов, вообще было признано неуместным. В Западной Европе таким убежденным пропагандистом институциональных идей был Ф. Симианд (1873–1935).²⁰ Дескриптивно-номиналистический подход часто, и не без оснований, отождествляют с позитивистским направлением. Его суть — отказ от анализа причин и изучение главным образом следствий, при этом авторы — институционалисты, подчеркивая практическую значимость своих работ, достаточно часто прибегали к интерполяциям, а еще чаще — к экстраполяциям, но, как правило, приходили к печальным выводам: прогнозы по аналогии не давали убедительных результатов. В этом отношении интересно замечание философа и психолога В. Вундта (1832–1920), который писал, что «абстрактная теория хозяйства должна усматривать свою задачу не в установлении законов действительной хозяйственной жизни, но в точном определении хозяйственных понятий и их взаимных отношений».²¹ В этом случае экономическая наука становится метаэкономией, объектом ее изучения выступают не факты экономики, а факты, категории самой науки. Но эта область экономической методологии еще только намечается для будущего развития.

Нормативный номинализм

Его можно охарактеризовать как учение об экономической политике, не стесненной никакими теоретическими рамками. Нормативизм только подчеркивает максимально возможную, объективно обусловленную свободу принимаемых решений.

В этом направлении можно назвать двух выдающихся ученых — О. Шпанна и Н.И. Бухарина.

О. Шпанн (1878–1950) именовал свое учение универсализмом, полагая, что все экономические явления должны рассматриваться взаимосвязанно с обществом в целом и все экономические решения должны исследоваться в связи с особенностями этого общества. Отсюда следует вывод: в экономике нет места робинзонам, экономическая теория не должна быть построена на субъективных рассуждениях индивида. Но между общественными группами идет постоянная разрушающая и созидаящая борьба. По словам Э. Жамса, О. Шпанн полагал, что «наука должна освещать путь к действию, направлять его, она должна интересоваться тем, что есть, и тем, что могло или должно быть. Она нормативна. Она должна быть наукой борьбы».²²

Убеждение в том, что мнение индивида — это одно, а общественные явления существуют отдельно, что толпа (по Лебону) управляется совсем не теми законами, которыми управляется отдельно взятый человек, позволяет назвать Шпанна если не создателем, то предтечей макронауки. (Все предшествующие школы, особенно австрийская, могли трактоваться как микроэкономика.)

Далее Шпанн считал, что М. Вебер (1864–1920) и многие другие глубоко ошибались, пытаясь построить безоценочную нейтральную экономическую теорию. По Шпанну, это невозможно. Любой теории, помимо стремления к истине, имманентно присущ принцип ценности. Разные общественные группы придают истине ценностную окраску. Эта мысль привела Шпанна к выводу о том, что содержание экономических категорий определяется соотношением сил тех или иных общественных групп.²³ Если считается, что трудовую теорию стоимости наиболее полно критиковал Э. Бем-Баверк (1851–1914),²⁴ то теорию предельной полезности весьма удачно критиковал О. Шпанн. Он считал, что цена определяется не трудовыми затратами и не предельной полезностью, а просто соотношением сил покупателей и продавцов. И те, и другие стремятся к монополии. Кто добился большего единства, тот и диктует цены.²⁵ Естественно, любая попытка исчислить стоимость или ценность отвергается полностью. Шпанн оказался неудобным и почти забытым экономистом. Однако именно для нашей страны его идеи имели огромное значение, следы которых мы встречаем по сей день.

Дело в том, что, когда в Австро-Венгрии Шпанн критиковал австрийскую школу и формировал свое органическое универсальное учение, в Вене учился будущий экономист и один из создателей советского государства — Н.И. Бухарин (1888–1938). Он автор многих работ, но одной из первых и фундаментальных считается «Политическая экономия рантье». В ней он выступает как беспощадный критик австрийской школы. Начав вместе со Шпанном, после победы Октября и в ожидании мировой революции он создал новую экономическую теорию. Будучи убежденным марксистом, он обошел трудности, связанные с применением идей Шпанна. Он просто сказал, что вся классическая политическая экономия, включая экономическое учение К. Маркса, относится только к капитализму, ибо о социализме, о его теоретических постулатах К. Маркс и Ф. Энгельс ничего не писали. Экономическая теория социализма — это уже иная «песня», и она должна строиться по другим канонам. Наиболее полно свои взгляды он изложил в «Экономике переходного периода». Суть этой работы, сразу же признанной рядом экономистов антимарксистской (А.А. Богданов, И.И. Скворцов-Степанов, М.С. Ольминский и др.), в том, что Н.И. Бухарин ограничивает предмет политической экономии только капиталистическим обществом, а в условиях новой общественно-экономической формации действуют совершенно иные законы, и, доводя

нормативно-номиналистическое направление до абсурда, он приходил к выводу о замене экономической науки экономической политикой. Это объяснялось тем, что благо стало вещью — продуктом труда,²⁶ стоимость (в терминологии Бухарина — ценность) исчезает вместе с капитализмом, тем более что ценность, определяемая как предельная полезность блага, даже при капитализме стала достоянием паразитического класса рантье. В новом обществе исчезают все стоимостные (ценностные) категории и товарный фетишизм вместе с ними. Люди получают возможность работать не с благами, а с вещами в их непосредственной натуральной форме. Он писал, что «перед теорией экономического процесса возникает необходимость перехода к натурально-хозяйственному мышлению, т.е. рассмотрению и общества, и его частей как систем элементов в их натуральной форме».²⁷ Из этого делался практический вывод о том, что в обществе необходима трудовая повинность, каждый гражданин получит трудовую (бюджетную) книжку, которая должна быть одновременно и расчетной. В книжках «ведется счет... работы... обязательного труда. Под записи в рабочей книжке... дается право на покупку или получение определенных продуктов, в первую голову, хлеба»²⁸ и необходимо, «чтобы весь хлеб распределялся поровну».²⁹

Отказ, в сущности, от экономических законов объективно заданного равновесия открывал беспредельный простор для подлинно эффективной, не связанной социальными ограничениями экономической деятельности, для творчества трудящихся масс. Все, вернее, почти все, можно творить. Оковы капитализма сняты, и теперь, по Бухарину, наконец, все стало просто и ясно: «Подсчитает центральное статистическое (счетное) бюро, что в год нужно произвести столько-то и столько-то сапог, брюк, колбасы, ваксы... и так далее. ...Все производство ведется по строго высчитанному, взвешенному плану, на основе точного учета всех машин и орудий, всего сырья, всех рабочих рук общества».³⁰ Но такое руководство приводило к двум печальным последствиям: внеэкономическому принуждению, которое рассматривалось как благо, и к закону первоначального накопления, который проводил последовательный левый коммунист Е.А. Преображенский (1886–1937).

Надо сказать, что экономические взгляды Бухарина лежали в основе экономической политики советского государства (кроме эпохи нэпа),³¹ однако с 1930-х годов, когда взгляды Бухарина были официально осуждены, «Экономику переходного периода» ругали уже все, но парадокс был в том, что осужденные положения с этого же времени были положены в основу реально проводимой экономической политики, а потом, перед самой войной, было официально провозглашено существование при социализме товарного производства со всеми внешне присущими ему атрибутами.

Последней и самой современной разновидностью нормативно номиналистического направления можно считать риторическую концепцию экономической науки. Это было своеобразное возрождение школы Протагора (490–420 до н.э.). Упрощенно говоря, она видит цель науки в использовании различных приемов, прежде всего языковых, для убеждения аудитории в правильности развиваемой аргументации, и не столько в критике, сколько в компрометации взглядов оппонентов.³² Это сближало нашу науку с эристикой — умением убеждать.³³ Для этого используется широкий репертуар средств: обращение не только к разуму, но и к чувствам, а часто, прежде всего, именно к чувствам, к ссылкам на непререкаемые авторитеты, к метафорам. По большому счету, тут мало нового. Когда К. Маркс и Ф. Энгельс хотели скомпрометировать кого-либо, они сразу говорили, что это филистер, когда В.И. Ленин (1870–1924) хотел подчеркнуть правильность взглядов своих сторонников, он называл их большевиками,

а оппоненты, составляя, как правило, большинство, автоматически превращались в меньшевиков. Все явления, тенденции развития при социализме сопровождались прилагательными «прогрессивный» или «реакционный», войны делились на справедливые и несправедливые, захватнические, и каждый уже знал, что хорошо и что плохо, и кому кадить и на кого капать.³⁴

И в этом, если не прибегать к излишним эмоциям, и была правда риторической науки. И сейчас Запад в очередной раз открывает то, что так хорошо известно нам, россиянам.

Основной вопрос

Ответ на вопрос экономической науки: «Почему еще есть бедные?» может быть найден в одном старом анекдоте: «Одного перса спросили: почему у него такие хорошие рассуждения, но очень плохие дела? Он ответил: “Рассуждения зависят от меня, а дела — от обстоятельств”». И тут мы сталкиваемся с проблемой: существуют ли экономические законы, действующие в различные эпохи, или же для каждой общественно-экономической формации характерны свои законы? Ответ может быть таким: конечно, экономические законы непреложны, они действительны во все времена, и они справедливы, как говорил этот злополучный перс, но обстоятельства, в которых законы реализуются, существенно меняются по месту и времени, а следовательно, и их проявление может быть совершенно различно. И в конечном счете эффективность использования этих законов зависит от людей. Все, что они делают, так или иначе вытекает из каких-то теоретических положений. Дж. М. Кейнс (1883–1946) любил подчеркивать, что если кто-то говорит, что ему теория не нужна, то он все равно следует теории, только старой и, может быть, очень плохой.³⁵ Однако, по большому счету, «все на свете так относительно и условно так», что часто трудно отделить хорошее от плохого, истинное от ложного. И, казалось бы, отвергнутые и забытые теории возрождаются, и вокруг них вновь разгораются дискуссии. Лучшим примером может служить возрождение рикардизма в трудах Д. Робертсон (1903–1983) и П. Сраффы (1898–1983).

Заключение

В статье были рассмотрены четыре направления экономической науки, представляющие некий органический синтез логики и эпистемологии. Каждое из этих направлений мы можем связать с философскими построениями. Так, нормативный реализм можно объяснить исходя из учения К. Поппера (1902–1994), который признавал предметом науки проблему, проблему вообще и предполагал, что развитие самой науки и процесса нахождения истины достигается как путем верификаций, что очевидно, так и фальсификаций. Последнее означает, что ни одна экономическая теория не может объяснить абсолютно все факты.

Дескриптивный номинализм методологически легче всего связать с исследовательскими программами И. Лакатоса (1922–1974). Видя задачу экономической науки в собирании и описании фактов, представители этого направления с неизбежностью строят данные программы в зависимости от задаваемых целей, а сторонники нормативно-номиналистической трактовки, напротив, искренне полагают, в духе П. Фейерабенда (1924–1994), что наука развивается стихийно и анархически, поэтому ученый или политик, опирающийся на подобные идеи, должен в духе тезисов К. Маркса о Л. Фейербахе не описывать экономические явления, а управлять ими. Впрочем, если бы такие экономисты действительно знали что-то о хозяйственной деятельности и о

финансовом мире, то все миллионы были бы у них, а не у олигархов, и мир был бы справедлив. Но этого не было тогда, нет и сейчас.

Теперь следует отметить дескриптивный реализм. Он ближе всего к подходу Т. Куна (1922–1995), который рассматривал продвинутую господствующую теорию как парадигму, как нормальную науку, и что бы ни говорили критики, основное классическое содержание экономической теории всегда было связано с представителями именно этого направления. И сейчас именно оно составляет магистральное движение в развитии экономических идей. Так или иначе, все остальные направления только обогащают и уточняют его: нормативно-реалистическое — укрепляет методологическое ядро; дескриптивно-номиналистическое — снабжает фактами, позволяет провести эмпирические проверки; нормативно-номиналистическое — ставит экономические эксперименты.

И тут надо еще принять во внимание, что все реалистические направления являются детерминированными логикой построения, а номиналистические индетерминированы и предполагают широкое использование теории вероятностей: дескриптивное — на основе теоремы Бернулли, нормативное — теоремы Байеса, в первом случае речь идет об апостериорной, во втором — об априорной вероятности.

Но все четыре направления, которые логически должны исчерпывать все возможные научные построения, так или иначе предполагают постоянное использование двух критериев истинности научных утверждений, которые легче всего передать двумя афоризмами: «логика — критерий истины» и «практика — критерий истины». Согласно первому критерию, если выбраны определенные постулаты, например абстрактный труд — субстанция собственности, то из него с логической бескомпромиссностью делаются неизбежные выводы. При этом неважно, соответствуют они реальной действительности или нет. Используются только чисто логические категории, которые последовательно сопоставляются с законом исключенного третьего. Все, что логически ему не соответствует, отмечается сразу. Парадокс в том, что все реалистические доктрины, по определению, не могут со времен Платона (427–348 до н.э.) найти абсолютное эмпирическое подтверждение ни с точки зрения констатации самих фактов, ни с точки зрения предписания определенных, часто внеэкономических, идей.

Напротив, номиналистические доктрины ближе к реальной жизни, однако, исходя из индукции, могут объяснять отдельные факты, но не весь комплекс проблем. Лучший пример — теория падения средней нормы прибыли. В какие-то периоды она подтверждается, в какие-то — нет, ибо логика есть, но человек живет не по ее законам, по крайней мере, не всегда.³⁶ И очень важно помнить, что, с одной стороны, логически безупречная теория может привести к ошибочным и даже катастрофическим последствиям, а с другой стороны, логически противоречивая теория может дать хорошие практические результаты. Вспомним анекдот о персе, создававшем прекрасные концепции, и будем думать о том, сколь многое еще следует сделать для нашей науки.

Мы должны понять, что мир иллюзий в существеннейшей степени довлеет над нами, а отсюда и весьма грустный вывод великого философа:

Таков закон: все лучшее в тумане,
А ясное иль больно, иль смешно.

¹ В конце XIX в. часто писали, что «средства удовлетворения потребностей называются благами» (см.: Филиппович Е. Основания политической экономии. СПб., 1901. С. 4), а швейцарский экономист Ю. Платтер считал, что «предметом науки о хозяйстве являются блага» (Платтер Ю. Основные учения политической экономии. М., 1908. С. 1). Но при этом они забывали указать, что первым создателем учения о благе

был Платон, который «рассматривал благо, прежде всего, как то, ради чего действует человек и что делает его счастливым» (цит. по: Благо. Католическая энциклопедия. Т. 1. М., 2002. Стб. 592).

² *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I. М., 1994. С. 5.

³ Со времен досократников бытие различается по «мнению» – сущее и по «истине» – должное (Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 69). В более упрощенном варианте под сущим следует понимать то, что есть, а под должным — то, что должно быть.

⁴ Перед русскими переводчиками стояла сложная задача, связанная с переводом *wert*. С.Л. Франк (1877–1950) первым обратил внимание на то, что «в русской литературе, благодаря терминологии первого русского издания 1-го тома “Капитала”, укоренилось совершенно неправильное словоупотребление. *Стоимость* понималась в смысле ценности; мы оговариваемся потому, что под стоимостью подразумеваем только сумму издержек, аналогично немецкому *Kosten* и английскому *cost* (курсив автора)» (Франк С. Теория ценности Маркса и ее значение. СПб., 1900. С. 13). Таким образом, проблема возникла с самого начала изучения в России «Капитала». В дальнейшем мнения разделились: одни — В.И. Ленин, А.А. Богданов, И.И. Скворцов-Степанов и их последователи переводили *wert* как стоимость; другие — М.И. Туган-Барановский, П.Б. Струве, П.П. Маслов, Н.И. Бухарин — как ценность. После революции все как бы пришли к согласию: категорию «стоимость» закрепили за субстанцией, формируемой общественно необходимым рабочим временем, в течение которого затрачивается абстрактный труд, а слово «ценность» стали соотносить с субъективными оценками предельной полезности общественно необходимых благ. В последнее время Е.М. Майбурд во всех случаях употребляет «ценность» (см.: Введение в историю экономической мысли. М., 1996).

⁵ Интересно, что с точки зрения практических выводов вся суть марксизма может быть сведена к одной короткой фразе: «Рабочие, вам недоплачивают». Но для того чтобы сделать такой вывод, совсем необязательно прибегать к большой теории. Экономическая теория и практика экономической жизни существуют параллельно и часто независимо друг от друга. Существенно, что под стоимостью в то время понимали себестоимость, слово, которое появилось в среде бухгалтеров только в 1912 г.

⁶ Это обстоятельство отметил С.Л. Франк: «Если бы производство всех товаров потребовало вдвое большего труда, чем прежде, то Рикардо без колебания сказал бы, что ценность всех товаров повысилась вдвое, тогда как, например, Милль также категорически заявил бы, что ценность товаров осталась прежней» (Теория ценности Маркса и ее значение. СПб., 1900. С. 13). Тут надо добавить, что две версии теории стоимости привели к парадоксу: экономисты-теоретики марксистской ориентации придерживаются в большинстве своем рыночной трактовки стоимости, но бухгалтеры до сих пор рассчитывают себестоимость согласно производственной трактовке.

⁷ *Энгельс Ф.* Наброски к критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. М., 1954. С. 552; *Маршалл А.* Принципы политической экономии. Т. 1. М., 1983. С. 191–207; *Туган-Барановский М.И.* Основы политической экономии. Пг., 1917. С. 39–41; *Рудановский А.П.* Теория учета и оценка Московского Городского Счетоводства. М., 1912. С. 135–136.

⁸ Цит. по: *Кисель М.А., Эдин М.В.* Этика Гегеля и кризис современной буржуазной этики. Л., 1966. С. 96.

⁹ *Струве П.Б.* Хозяйство и цена. Вып. 1. М., 1916.

¹⁰ Цит. по: *Блауг М.* Методология экономической науки. М., 2004. С. 191.

¹¹ Цит. по: *Рубин И.И.* Современные экономисты на Западе. М.; Л., 1927. С. 5.

¹² Цит. по: Философский энциклопедический словарь. С. 456.

¹³ С этим был не согласен А.А. Чупров (1874–1926). Критикуя П.Б. Струве, он считал, что цены определяются ценностью (стоимостью) товаров, при этом неважно, «чем эта ценность, в свою очередь, определяется, — затратами ли общественно необходимого рабочего времени, балансом ли предельных полезностей». Характерно, что величину ценности он отождествлял со статистической модой. С некоторой натяжкой эту моду можно считать справедливой ценой, как она теперь понимается в МСФО. (*Чупров А.А.* Место понятия ценности в статистической теории цены // Сборник статей, посвященных Петру Бернгардовичу Струве ко дню тридцатипятилетия его научно-публицистической деятельности. 1890–30 января–1925. Прага, 1925. С. 170).

¹⁴ Цит. по: *Селигмен Б.* Основные течения современной экономической мысли. М., 1968. С. 25.

¹⁵ Свои тренды и знаменитые кондратьевские циклы он, подобно американцам, строил без теории. И только в тюрьме попытался осмыслить экономическую теорию с точки зрения баденской школы неокантианства и теории равновесия (см.: *Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики. М., 1991).

¹⁶ Цит. по: *Кузнец С.А.* Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. М., 1997. С. 317.

¹⁷ *Беккер Г.С.* Человеческое поведение. Экономический подход. М., 2003. — Может быть, он не случайно передает смысл своей работы через афоризм Б. Шоу: «Экономика — это умение пользоваться жизнью наилучшим образом» (С. 28).

¹⁸ Общий обзор истолкования почти всей истории экономических идей можно найти в кн.: *Веселов Ю.В.* Экономическая социология: история идей. СПб., 1995. Представление о работах западных экономистов социологов см.: *Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики.* М., 2004.

¹⁹ *Нуреев Р.М.* Теория общественного выбора: Курс лекций. М., 2005.

²⁰ См.: Жамс Э. История экономической мысли XX в. М., 1959. С. 94–98.

²¹ Цит. по: Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. Пг., 1917. С. 30.

²² Цит. по: Жамс Э. Указ. соч. С. 81. — Здесь можно найти и реплику Шпанна: «Объяснение социальных проблем методом индивидуальной психологии ничего не стоит» (Там же. С. 82). Любопытно, что когда О. Шпанн говорил и писал об общих идеях, то он признавал универсалии, но когда речь шла о более частных вопросах, например о ценообразовании, исходил из номинализма (*Шумпетер Й.* История экономического анализа. СПб., 2001. Т. 2. С. 542–543).

²³ В юриспруденции это ярко сформулировал Р. Иеринг (1818–1892): «Право — это понятие не логики, а силы» (цит. по: Аннерс Э. История европейского права. М., 1994. С. 312).

²⁴ Бем-Баверк Е. Капитал и прибыль. История и критика теорий процента на капитал. СПб., 1909. С. 337–354.

²⁵ Этот подход примерно в то же время предложил М.И. Туган-Барановский в своей теории социальной заработной платы. Он утверждал, что заработная плата определяется организованностью рабочих. Чем сильнее их единство, тем больше их заработная плата (*Туган-Барановский М.И.* Основы политической экономии. С. 391–396). Но бесконечно их требования расти не могут: государственные предприятия способны работать в убыток, а частные — нет.

²⁶ Весьма интересно то, что Н.И. Бухарин в этом не был оригинален. Такие же взгляды высказывали В. Зомбарт и Л.И. Петражицкий. М.И. Туган-Барановский писал, что при социализме «политическая экономия... частью превратится в теорию экономической политики, а частью войдет в состав более общей науки об обществе — социологии» (*Туган-Барановский М.И.* Основы политической экономии. С. 18). Совсем иначе по этому поводу думал Б. Кроче (1866–1952). «Политэкономия, — писал он, — не меняет своей природы, каким бы ни был общественный строй — капиталистическим или коммунистическим, каким бы ни был ход истории; точно так же, как не меняет своей природы арифметика от того, как меняются подлежащие подсчету вещи» (цит. по: Грамши А. Тюремные тетради. Ч. 1. М., 1991. С. 311–312).

²⁷ Экономика переходного периода // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1990. С. 189.

²⁸ Там же. С. 65.

²⁹ Там же. С. 69.

³⁰ Там же. С. 47.

³¹ Отказ от нэпа означал, что в дилемме «план и рынок» от рынка остались «рожки да ножки». Не случайно это был, по мнению А.Л. Вайнштейна, отказ от некоторой имевшей место либерализации экономики и возвращение «к методу хозяйствования периода военного коммунизма со всеми его характерными чертами» (цит. по: Липидус И., Островитянов К. Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства. М.; Л., 1930. С. 560).

³² Отмахов П.А. Риторическая концепция метода в экономической теории: предварительные итоги развития // Истоки. М., 2000. Вып. 4. С. 138–176.

³³ Э.Л. Радлов (1854–1928) писал, что суть эристики состоит «в умении выбирать те доводы, которые особенно сильно влияют на душу слушателя и способны увлечь за собой аудиторию». На практике это означает умение использовать силлогизмы и «быстро схватывать душевный склад противника и, сообразно с ним, выбирать те доводы, которые сильнее всего могут подействовать на него» (*Энциклопедический словарь. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон.* Т. ХLI. СПб., 1904. С. 27).

³⁴ Риторическая школа развивает как раз те идеи, от которых еще недавно отрешивался М. Алле: «...я стремлюсь скорее понять, что делают люди, нежели убедить их» (*Экономика как наука.* М., 1995. С. 112).

³⁵ «Люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого» (*Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости процента и денег. М., 1948. С. 370).

³⁶ Общественный и печальный вывод по поводу подтверждения истинности звучит так: «...стоит обнаружить одно противоречащее доказательство, как уже возникает серьезный повод отвергнуть саму проверяемую теоретическую конструкцию или ее существенным образом скорректировать» (*Рязанов В.Т.* Проблема верификации в экономической теории // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2004. Вып. 4. С. 11).

Статья поступила в редакцию 29 декабря 2005 г.